

18+

Игорь Бабаян

«СС-«Р»

Игорь Бабаян

«СС-,Р»

«Издательские решения»

Бабаян И.

«СС-„Р“ / И. Бабаян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964692-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. О
чем эта книга? О молодости, о периоде заблуждений, когда совершаются
поступки, за которые впоследствии становится стыдно. И о стране, в которой
«эсэсэровцы» родились и выросли, а также совершали не вполне достойные
деяния.**

ISBN 978-5-44-964692-7

© Бабаян И.

© Издательские решения

Содержание

Бабаян Игорь Николаевич, Зеленоград	6
Игорь Бабаян	6
ОТ АВТОРА	7
СОН №1021	9
И ЖАЛЕЮ, И ЗОВУ, И ПЛАЧУ...	11
БАБУЛЬ, ДИАЛЕКТЫ ДАВАЙ!	19
ОН ЛЮБИЛ ДОБРУЮ ШУТКУ	21
ГОРОХ УЖЕ ВАРИТСЯ	23
БЫЛ ЛИ СЕКС В СССР?	26
ФЫСТАНА, ФЫСТАНА...	28
КТО ИГРАЕТ СЕМЬ БУБЕН?	31
СЧАСТЬЕ – НЕ АЛИТЕТ, В ГОРЫ НЕ УЙДЕТ...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

«СС-«Р»

Игорь Бабаян

© Игорь Бабаян, 2019

ISBN 978-5-4496-4692-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бабаян Игорь Николаевич, Зеленоград

Игорь Бабаян

«С С- «Р»
О Т О
Ю У М
З Д А
Е Н
Н Т
Т И
О К
В О
В

*«Великой эпохе нужны великие люди. Но на свете существуют и непризнанные скромные герои, не завоевавшие себе славу Наполеона...»
Ярослав Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка».*

ОТ АВТОРА

О чём эта книга? О юных годах, о молодости, о периоде заблуждений и поступках, за которые впоследствии становится стыдно. Об эпохе, которую ныне модно именовать застоём, но которую наши герои, выходцы из СССР, воспринимали, как вполне подходящую среду для того, чтобы живо, весело провести студенческие годы, не обращая внимания на дефицит всего и вся и скучая, если в дефиците вдруг оказывались милые их сердцам шутки и приколы.

В отношении «временных вкраплений» 70-х годов хочется предостеречь пытливого читателя от скоропалительных, далеко идущих выводов, допустим, о том, что эсэсэровцы совершили в отношении двух особо их ничем не обидевших, хороших, то бишь интеллигентных и законопослушных молодых людей, глубоко безнравственные деяния. Не следует уважаемому читателю также спешить и с судом «скорым и правым», а лучше предаться зрелым размышлениям, ибо, как известно, совершив скорые и далеко идущие выводы, легко впасть в грех заблуждения. Ведь поистине самой большой, либо, если желаете, изначальной ошибкой иных критиков истории, в частности, следует считать тот факт, что они (иные критики) так и норовят рассмотреть явление лишь в плоскости морали и нравственности, вырвав его (явление) из контекста эпохи. И тогда, вспомнив культовый советский фильм «Доживём до понедельника», впору согласиться с фразой главного героя: «Вот послушаешь вас и решишь, что Историю вершили одни двоечники!».

Кроме того, нельзя не брать в расчёт, что «СС-«Р», состоявший из пяти друзей студентов-русистов, квартировался на территории, именованной недругами советской власти «островом невезения».

Резиденты «проклятого острова», где, как известно, не было календаря и не рос кокос, а также не ловился крокодил, на фоне чего происходили и другие, не менее трагические события, принуждены были в силу специфических обстоятельств безоговорочно подчиняться писанным и иным правилам, придуманным вождями. Иначе легко было загреметь в ментовку, как это и случилось с двумя нашими героями. Мало того, им («островитянам»), как свидетельствует всемирная летопись, приходилось очно и заочно одобрять всё, не исключая и самые одиозные решения партвожаков. В том числе и очередную высылку с «острова» в лучший мир очередного недовольного не только отсутствием календаря, но и неудовлетворительной урожайностью кокоса, а также малорезультативной охотой на крокодила.

Выпроваживая очередного аборигена, подвергнувшего сомнению необходимость культовых охот на крокодилов либо непременно выращивание на острове кокосов, вожди свято веровали, что тем самым оберегают чистоту нравов в своём уникальном, не похожем на другие, племени. Ибо, как гласит «островная» истина, одна паршивая овца способна перепортить всё стадо.

Вот потому-то наши славные, по определению Курта Воннегута, гранфаллонцы и поступили с данными молодыми людьми, не признававшими, как это ни прискорбно, ни существовавших в необъятном гранфаллоне правил ритуальной охоты на крокодила, ни самой «охоты», по суровым законам своего не менее сурового времени.

А посему напрашивается непозволительный с точки зрения неугомонных моралистов вывод: корить славный малый гранфаллон «СС-«Р» за содеянное с антагонистом, всё равно, что недоумевать по поводу отсутствия на «проклятом острове» календаря. Как явствует из сказанного, славные гранфаллонцы не нуждаются в общественном оправдании, поскольку их оправдала сама История, не щадящая молодых (и не только молодых) людей, противостоящих большим и малым гранфаллонам...

Она же (История) распорядилась таким образом, что на склоне лет бывшие герои бывшего студенческого союза Виктор и Вард ощутили себя персонами, застрявшими меж двух эпох (большой гранфаллон с человеческим лицом трансформировался в гранфаллон поменьше без упомянутого лица), невольно переосмысливая прошлое (ибо всё познаётся в сравнении) и придавая иное значение былому, соотнося его с современными реалиями.

Сколь скоро сменились исторические декорации! То, за что еще вчера корили гранфаллонцев, оказалось вдруг вполне допустимым с позиций новой морали. Не покидая своей страны, которая прежде звалась СССР, наши герои очутились в ином жизненном пространстве с иным общественным устройством, к которому воленс-ноленс пришлось привыкать, стараясь не вспоминать о прежних моральных и прочих установках, царивших в прежней их жизни и едва ли не заменявших резидентам 1/6 суши религию. Тех самых моральных принципов, что были положены в основу «Морального кодекса строителя коммунизма», и которым они, принимая двойную мораль, откровенно говоря, не особо стремились следовать. Можно ли их осуждать за это? Виноваты ли они в том, что, отправляясь на крокодиловую рыбалку, предпочитали иную добычу? Морально ли это с точки зрения ушедшей эпохи?

Мораль... Нравственность и безнравственность... Канувшие в Лету категории, канувшего в Лету государства? Вопрос о контексте времени: хорошо ли сегодня то, что считалось хорошим ещё вчера? Да и уместно ли вообще задавать подобные вопросы? Как быть в подобном случае с утверждениями философа: *«Нужно быть очень безнравственным, чтобы водворять господство морали на практике... Средства моралистов суть ужаснейшие средства, к которым когда-либо прибегали; у кого нет достаточно мужества к безнравственности действий, тот годен к чему угодно, но только не в моралисты. Мораль – это зверинец; предпосылка её – та, что железные прутья могут быть полезнее, чем свобода, даже для уже уловленных; другая её предпосылка, что существуют укротители зверей, которые не останавливаются перед самыми ужасными средствами, которые умеют пользоваться раскалённым железом...»?*

Двадцать шесть лет назад маски были сброшены, затянувшийся эксперимент по строительству невиданного прежде гранфаллона был скоростно завершён и обитатели теперь уже 1/7 части суши предстали перед миром такими, какими они, собственно, и есть.

Среди обитателей новой-старой страны и мои герои. Как сложилась их судьба в новом гранфаллоне? И об этом вы также узнаете, прочитав эту книгу.

СОИ №1021

«Необъятное здание. Просто циклопическое. Наверное, какое-нибудь крупное учреждение советских лет? (Я в СССР?). Здание отраслевого профсоюза педагогических работников, например. Почему бы и нет? Были ведь о – го – го, какие профсоюзы! Школы коммунизма и все тут! А школы коммунизма обязаны были быть грандиозными. Как сама идея построения общества будущего. Профсоюзы играли серьезную роль в жизни нашего общества. Они предлагали трудящимся города и деревни, а также примкнувшей к ним интеллигенции различные блага. Путевочку на Черное море за полцены (скидка за счет профсоюза), а также лечение и отдых в санаториях Кавказских Минеральных Вод опять же с солидным дисконтом. Хорошо. Ну, а взамен, конечно, нужно было регулярно уплачивать членские взносы и регулярно участвовать в профсоюзных собраниях, а также регулярно принимать активное участие в различных профмероприятиях. М – да... Словом, не вполне безвозмездно весь этот соцпакет от социализма предоставлялся трудящимся и иногда примкнувшей к ним интеллигенции. Хотя чего уж сетовать? Жизнь, говорят, вообще штука несправедливая. Пора бы привыкнуть. Под 60 уж...

Необъятное здание. (Я в СССР!). Почему профсоюз творческих работников? Ну, кто его знает, может какой-то другой. Разница-то в чем? Путевки – мероприятия – взносы, взносы – мероприятия – путевки. Хотя, нет. Не только. Еще счастливая старость. Отработала бабулька в родном колхозе всю свою жизнь, накопила каких-никаких трудовней в трудные годы и вышла на заслуженный отдых с пенсией рубликов эдак в 70 ... Достаточно, впрочем, чтобы с голоду не помереть. М – да... А вот, что верно, то верно – стариков у мусорных контейнеров в ту славную пору не было. Хватало господобия на хлеб и молочишко...

Ладно, пусть будет боярышник, то бишь профсоюз творчработников. Какая разница? М — да... Чудо-дверь... Одни запрещающие знаки! Точно, любой другой! На громадных массивных глухих тяжелого дерева в бронзовом обрамлении входных воротах (слово «дверь» как-то тут неуместно) живого места нет от табличек: дымящаяся сигарета, собака, мужской силуэт в каком-то полосатом одеянии, женский в мини-юбке, велосипед двухколесный, две теннисные ракетки вперекрест (теннис-то тут причем?!)... Все перечеркнуто красной полосой.

Пора входить? Тем паче, что со мной нет ни собаки, ни велосипеда, ни даже теннисных ракеток, не говоря уж о девушке в мини-юбке. Вхожу... Необъятное помещение! Справа дверь в какой-то большой зал. Наверное, для съездов и конференций, для чего еще? Вдали слева виднеются несколько дверей, очевидно, там помещения поменьше. Продвигаюсь влево. На дверях таблички. Еще и еще. На ближней – перечеркнутая дымящаяся сигарета. На следующих, надо полагать, ведущих в клозеты, перечеркнутые женский (в мини-юбке!) и соответственно мужской (в строгом костюме – в чём ещё посещать туалет?) силуэты. Далее – дверь с чашкой дымящегося кофе (чая?) также с заветной красной чертой. Ниже еще один знак: с бутербродом на табличке. Бутерброд (уж не с черной ли икрой?) тоже перечеркнут.

Наверное, буфет, а красные линии на табличках – лишнее напоминание о том, что меня во сне угораздило попасть в эпоху раннего застоя – позже все свидетельства существования черной икры из жизни общества были изъяты. И то верно: к чему напоминать о том, чего на прилавках нет? И потом мини-юбка. Ох, и любили девушки 70-х эту форму одежды! Стало быть, застой. Да, конечно, это буфет. Ах, как здорово было бы отведать (господь с ней, с икрой) бутерброд с настоящей советской «любительской» или (пусть будет боярышник!) «докторской»! Увы, давно забытый вкус... Еще ребенком побывал в «Елисейском». Дело было летом. Отцу выписали командировку в Первопрестольную, вот мы с мамой и присоседились. Запах, восхитительный и дразнящий аппетит запах «любительской», казалось, витал повсюду, не исключая даже бакалейного отдела, куда мы тоже заняли очередь. М — да... Как там в песне пелось: «Не забывается такое никогда...». Забудешь тут. Тогда колбасу и прочие сосиски с сар-

дельками по ГОСТам изготавливали и из мяса. И было это задолго до того, как просвещенное человечество придумало вкусовые и прочие добавки с консервантами, обеспечивающие изделию лишь соответствующий товарный вид и похожий запах. Сейчас? Пожалуй, в мини, супер- и мегамаркетах впору вывешивать вот такие же запрещающие таблички, банящие колбасу как оружие массового поражения...»

С надеждой открываю дверь, но откуда-то свыше раздаётся громкое и со стальными нотками: «Вход только для делегатов съезда! Вход только для делегатов с...».

В сердцах хлопаю дверью. И вот так всегда! Даже во сне...

Выхожу и оборачиваюсь: еще одна, теперь уже стеклянная, дверь с надписью: «ТЕН АДОХЫВ», тоже, конечно, с красной полосой.

Быть того не может, чтобы всегда было «ТЕН АДОХЫВ». – В крайнем случае – «МАНЕВ ОП ЙОВТИРЬ»!

Между тем наступило то самое пограничное состояние между бодрствованием и сном, что предшествует звонку будильника. Пора было переходить к объективной реальности. Раздавшаяся трель нашего «соловья» только подтвердила мои опасения».

И ЖАЛЕЮ, И ЗОВУ, И ПЛАЧУ...

...«When I find myself in times of trouble
Mother Mary comes to me
Speaking words of wisdom, «Let it be...»

Боже, как всё надоело! И бритве в том числе. Скоро шестьдесят, а всё никак не привыкну к процессу выскабливания морды лица. Ну вот, опять порезался, чёрт! Кровищи-то, чёрт! Слышала бы мама, сразу бы сделала замечание: «Витя, ты опять чертыхаешься! Не смей, сынок...». На склоне лет мать, учитель биологии с 45-летним стажем, прежде убеждённый атеист, стала набожной, церковь посещать начала. М-да... Уже десять лет, как некому мне сделать замечание... Мама ушла после инфаркта... Ленка? Ленка не в счёт: «Жили-были старик со старухой. Жили они тридцать лет и три года». Ровно тридцать три года свадьбе в этом сентябре! Тридцать три... М-да... Эта никогда не обращает внимания на подобные пустяки. Спокойная русская женщина. Такими, наверное, наши женщины и должны быть. И ещё терпеливыми. Как Ленка! Меня столько лет терпит... Героиня... Спит ещё. Законный выходной, понимаешь...

And in my hour of darkness
She is standing in front of me
Speaking words of wisdom, «Let it be...»
Боже, как всё надоело...

Набирается сил. Актуально! Сегодня внучка должна нагряться! (Нет, всё же не всё надоело!). Ах, уж эта егоза! Дар Божий! Если бы не она, как ещё терпеть эту немилосердную действительность?.. Четыре года всего, а уже с гаджетами «на «ты». Сама в планшете находит любимые мультики. М-да... Дитя айтишное. Вся в папочку... Хотя лицом, конечно, в мамочку. Дочурка в детстве такой же была. То есть внешнее сходство налицо. А вот характер другой. Моя Ирина росла тихим, спокойным ребёнком, «не то, что нынешнее племя!». А эта! Двадцать кило первосортного динамита, а не внучка! Эта мне, старику, спокойно умереть не даст. Думаю, что и беспокойно умереть принцесса София тоже вряд ли позволит... Как же она меня огрела обувным рожком в прошлое своё нашествие! Очень больно! И за что? За то, что осмелился сделать ей замечание: «Сонечка, нельзя разбрасывать игрушки по комнате!». Одно слово – львица, царственный знак зодиака... А у сильного, как известно, всегда бессильный виноват... М-да... Бессильный в данном раскладе – это я. Кто ж ещё? Так и глаза недолго лишиться. В результате неосторожного замечания... Я её так не люблю, эту Сёнькинью-Сёнькинью! Дочка в ходе последнего нашествия мне заявила: «Не говори ей так! Она всё повторяет и всем теперь говорит, что она их не любит!». Ну и что? Нормально! Почему Сёнькинью-Сёнькинью должна любить всех родственников подряд? Родственники – это неизбежное зло... Мне ли об этом не знать? Большая прежде семья разбилась на фрагменты после августовского путча и грянувшего затем капитализма, лихих 90-х и попыток всех, кто умел считать до 10, стать крутыми бизнесменами, а стало быть, взять большой кредит с поручителями, коими выступали менее охочие до миллионов родственники, оставшийся так и не выплаченным...

Что и говорить, если бы не София, то и радоваться-то нечему было на склоне лет. Карьеру не сделал. Так и просидел все годы заведующим отделом информации городской газеты. Всё мнилось: пока живу начерно, скоро «черновик» сменится «беловиком», напишу книгу всей жизни, стану известным писателем. Ан нет, и времени-то теперь уже нема...

Дочурка? У дочки своя жизнь: встречи, презентации, командировки – всё, что полагается ведущему менеджеру уважаемой фирмы. Кукуем, словом, с Ленкой по-стариковски в своём чёрно-белом мире: работа – дом и наоборот. Цветным он становится лишь когда привозят Сонечку... А в остальное время утешает, пожалуй, только неутешительная мысль о том, что в этом лучшем из миров дано (кто бы мог подумать?) процветать лишь посредством.

Более одарённые вырождаются и, как продукт вырождения, восстанавливают против себя всю посредственность, выставляющую себя смыслом жизни... Кто не согласится с тем, что современный пессимизм является выражением бесполезности современного, гаджетизированного и деморализированного мира, пусть первым бросит в меня (пожалуй, что и бросят) камень!

Предаёмся на днях пагубной привычке (курение ныне сродни наркомании, если верить соответствующим эдиктам!) с Михал Санычем, как водится, во внутреннем редакционном дворике (раньше курили в его кабинете – главбух нашего издательского дома, понимаешь, ему по должности отдельный кабинет положен) и он вдруг задаёт невинный такой вопрос: «Вы себе сколько даёте?».

– Не понял. Что вы имеете в виду?

– Ну, сколько лет вы ещё себе даёте?

– Да нисколько не даю. Проснулся утром. Удивился, что живой ещё и пошёл жить дальше.

– А я себе пять лет даю.

Я удивлённо заглянул в глаза старому главбуху, многое, помимо цифр и отчётов, повидавшему на своём веку, ожидая продолжения, и он не преминул поразить меня ещё разок:

– Пять, не больше.

– ?

– Я так чувствую. Годик-другой поработаю ещё, а потом на покой, и ещё, кто его знает, может плюс пару-тройку лет к моим 62-м.

Поспешно докурив, он, смущённо улыбнувшись, поднялся к себе на этаж.

Легче всего было воспринять его откровение, как, быть может, не вполне душевный стриптиз классического бухгалтера, когда-то неохотно сменившего заветные счёты на электронный калькулятор и гордо отметающего все современные компьютерные программы, заменяющие живой труд человека привыкшего всё на свете просчитывать и анализировать результаты самостоятельно, без помощи бездушной машины. Мне же его слова лишний раз напомнили о конечности брэнного существования не только для главбухов и даже показалось, да простится труженику пера подобная вольность, что мне похабно, словно дешёвая проститутка, подмигивает сама Вечность.

М-да... Стало быть пора, брат, пора? Если «пора», то самое время на мгновение вернуться в счастливое детство... Сохранилось несколько фотографий в моём альбоме «Наш ребёнок» («Чтобы ты, малыш, уснул, на домбре звенит Джамбул...»). На одной из них я, шестилетний мальчуган, на каком-то детсадовском празднике. Удивительная фотография, пророческая! Все танцуют, веселятся: девочки с пышными бантами и в нарядных платьицах, мальчики в аккуратных костюмчиках... Кроме меня... Ребенок «среди шумного бала» в нарядном матросском костюмчике (мама прикупила по случаю у знакомых спекулянтов), потупив очи долу... Каково? Быть может, так и проскучал всю свою жизнь на этом празднике, отнюдь не детсадовском? Празднике инстинктов и эмоций длиной в 60 (!) лет... М-да... Помню, отец, дипломированный советский инженер, «ростсельмашовец», частенько меня в детстве поругивал: «Ни к чему ты не приспособлен!». «Ни к чему» – это к каким-нибудь ремонтным работам. Меня, как ни странно, мало волновал восхитительный процесс завинчивания шурупа или подготовки банки краски (в ту славную пору краску нередко продавали неподготовленной, то есть без добавления олифы, если я ничего не путаю) к захватывающему действию нанесения её (краски) на стену, например. Зато читал я за десятерых, о чём знал мой «ночник». Приличную по объёму библиотеку, не исключая и таких незабываемых для вступающего в пубертатный период мальчика книг, как «Декамерон» или «Книгу о верных и неверных жёнах», я одолевал ночами, когда родители думали, что я давно уж пребываю в объятиях Морфея...

Самая большая моя теперешняя проблема? Разрыв между биологическим возрастом и так и не постаревшей душой. Всё как у людей... Не желает, понимаешь, стареть собака и всё

тут! Жить ей ещё хочется, а не лясы со старичками в парке Авиаторов за партейкой в шахматы точить. Поистине счастливы те старики, что ощущают себя стариками!..

Та-а-к... А Джонька-то чего скулит? Аж здесь, в ванной, слышно. На улицу, наверное, просится. И этому красавцу (немецкая овчарка-пятилеток) жить хочется. Дитя инстинктов! Хотя, если бы на улицу, он бы, скорее всего, гавкнул бы разок-другой, как водится. Нет, скулит, понимаешь... Даже, похоже, подвывает... «Оптимисты» дерзко утверждают, что собака воет к покойнику. Уж не по мне ли подвывает мой пёс?

Ах, как порой хочется превратиться в собаку! Точнее – в пса... Точнее – в Джоньку... Псу, пожалуй, всё равно: жить в эпоху перемен или не жить... Никаких, понимаешь, чисто гамлетовских вопросов! Живи себе, щёлкай «Чаппи», лай на окружающую действительность, дерзко выражая своё отношение к ней и – никаких шараханий между либерализмом и патриотизмом, а также никаких прочих проблем! Проблемы – это по части хозяина, застрявшего меж двух эпох: социализмом с нечеловеческим лицом и капитализмом с хищным оскалом. Это ему, хозяину, удивляться, с чего это вдруг те, кто в славную пору пятилеток с крылатыми именами дерзко объявляли себя атеистами, зачастили в церковь. Уж не к столетию Октябрьского переворота, как сейчас революцию принято называть – это точно. Это ему, хозяину, сердешному, дивиться нескончаемым спорам в прессе и на ТВ о подвиге 28 панфиловцев и Зои Космодемьянской. Право дело, договориться до того, чтобы героиню Великой Отечественной вывести законченной шизофреничкой, расправлявшейся с гитлеровскими оккупантами в силу обострения означенной болезни – это ребята «круто»! Впору, пожалуй, полюбопытствовать психическим здоровьем самих авторов данных оригинальных версий... Кстати, шизофрения, насколько знаю, по-прежнему лечится плохо даже в такой продвинутой в медицинском отношении стране, как Германия.

М-да... Пессимизм, между тем, можно считать кратчайшим путём... нет, не в лучший мир, где не надо пропитания ради писать репортажи в номер об очередных областных успехах, а к нигилизму, наверное. К чему ж ещё?.. М-да... Впрочем, чего это меня с утра на философию потянуло? Ближе к жизни, Виктор Васильич! «Узнаю тебя жизнь, принимаю и приветствую звоном щита!»... Кстати о жизни: жару сегодня обещали мерзкие синоптики. Синоптик – удивительнейшая профессия, позволяющая безнаказанно обманывать народ, не неся при этом никакой ответственности за свои мерзкие прогнозы. Странно, но иногда их прогнозы сбываются, причём, как правило, наиболее мерзкие. Вот как сегодня. Не середина мая, а конец июля...

Ах ты, чёрт, опять порезался! А тут ещё и мобильник... Кто бы это в такую рань? Хотя, какая уж тут рань, скоро десять. М-да, засиделся я вчера за статьёй... Так кто бы это мог быть? Ну уж, не Иван Константиныч, наверное... Хотя, нет, скорее всего, он и есть... Ну да, ждёт репортаж – не дождётся. Этому что суббота, что понедельник – всё одно: «Материал готов?». Ответсек он и есть ответсек! Что тут скажешь? Праймериз, одно слово! Всё срочно, всё второпях. То ли дело в старое доброе советское время: собрались, понимаешь, труженики «Россельмаша» когда нужно, проголосовали, как положено. Одобрямс! Съездил на часок в какой-нибудь из цехов, побеседовал, отбарабанил заметушку. И всё. Делов-то? Проще было только отклики трудящихся шлепать: звякнул трудящемуся, отбарабанил за его подписью, отработал авторские и – всё! Нет, теперь им праймериз подавай! Демократия, понимаешь... Староват ты, Стариков, стал однако для оперативки, староват!.. «Не жалею, не зову, не плачу, всё пройдёт, как с белых яблонь дым...»... Не буду брать, пусть себе звонит. И поток сознания соответственно прерывать не буду! М-да... Стареем, Виктор Васильич, стареем... То ли дело в молодости. Слова: „Срочно, в номер!“, – будоражили кровь, как будоражат кровь юнцу первые свидания...».

«Yesterday all my troubles seems so far away
Now it looks as though they’

Here to stay...».

Молодость, молодость... «... И я пройти ещё смогу и тундру, и тайгу...»... В молодости мы столь бесконечно наивны, что жизнь нам кажется почти бесконечной восхитительной прогулкой по упоительным лугам, усыпанным цветами любви... Моя молодость – это семидесятые застойные... Застойные? Дудки! Замечательные времена были! Одни мои армянские приключения чего стоят! Отношения тогда совсем другими были. По теперешним меркам – непонятные. Родственники старались быть родственниками, друзья – друзьями... М-да... Когда минула школьная пора, тётка, вышедшая замуж за армянина и укатившая когда-то в столицу древней страны чуть-ли не из Алушты (курортный роман, понимаешь), уговорила поступать в Ереванский универ. Тетя Света, как и полагалось невестке, в данном случае, русской невестке, в армянском доме, хлебосольная была, под стать мужу. Дядя Карен, едва гости на порог: «Света-джан, дэ кез цуйстур!» (Светочка-дорогая, покажи свои умения!) и начиналось представление. Сперва гостям предлагалось, естественно, попить кофейку – это преамбула, «кофе-перегородка», как тогда в Ереване говаривали, ну, а потом происходило метание на стол всего, что было в холодильнике, а прежде всего толмы (в эпоху тотального дефицита в каждом ереванском доме в холодильнике непременно дежурила кастрюля с толмой), не исключая замечательной армянской домашней водки. Завершающий или «верчнакан» кофе сопровождался замечательным армянским коньячком: «Три звезды» в ту славную пору были самым настоящим нектаром – напитком богов! Дядя Карен, угостив гостей, закурил свой любимый «Арин Берд» (мой, кстати, тоже) и ароматный дымок (в ту славную пору в сигаретах, кто бы мог подумать, был табак) наполнял просторную гостиную их гостеприимной «трешки» рядом с Радио Туном (Домом Радио). Тётка при этом подавала ему красивую чешского хрустала («Богема», знай наших!) пепельницу, с которой не была снята импортная этикетка (зря что-ли «доставали» у спикулей?). Эх, были времена... Дядя Карен, простой работяга с «Арм-кабеля», добрейшей души был человек. Всякий раз, как соберусь домой на каникулы, вручал мне увесистую коробку: «Здесь немножко лаваш, бастурма, суджук и ещё кое-что. Сигареты и коньяк отцу отдашь, Вася разберётся, остальное мама сама посмотрит». М-да... Пять лет прожил в их доме. Пять развесёлых студенческих годочков...

И всё же... Застойные 70-е, как их сейчас многомудрые политологи именуют, были, что и говорить, не без греха. Демонстрации трудящихся («Советский народ – строитель коммунизма! Ура, товарищи!»), холодная война и очередные призывы потуже затянуть пояса, ибо проклятые империалисты развязали гонку вооружений. Ленинские коммунистические субботники, нередко странным образом совпадавшие с Пасхой («Спасибо партии родной за доброту и ласку, что отменила выходной и обо... пасху»...). А волнующие турпоездки за рубеж, в соц-страну, в какую-нибудь ГДР: шаг вправо, шаг влево – считается побегом?! А «колбасные» электрички в Подмоскowie и всесоюзная охота за дефицитом: «Вчера тостал тефсит! Вкюс – спесфиски»?.. А «потолок» зарплаты, который не существовал лишь для ударников коммунистического труда и прочих орденосных победителей социалистического соревнования?! А «самиздат», прятанный в самых тёмных закоулках общества будущего вместе с «тамиздатом»? А академик Сахаров? Как же нужно было отцу водородной бомбы ужаснуться делу разума своего, чтобы встать в ряды инакомыслящих?!

С другой стороны, что сейчас? Какие коврижки сулят трудящимся передовики бизнеса, многие из коих начинали свою головокружительную карьеру ещё во всесоюзном ленинском коммунистическом союзе молодёжи? Копеечный «соцпакет» да невыплату зарплаты, как наш доморощенный ростовский босс? Взяли его, главу угольной компании под белы ручки, да и в суд. Долг 17 «лямбов» перед 160 сотрудниками. И светит этому «шахтёру» 10 лет отсидки. Хотя дадут ли? Мало ли «шахтёров» избегли заслуженного наказания в последние годы? Как в народе говорят: кому на нары, а кому – Канары...

М-да... Лучше, пожалуй, про футбол... Про футбол? В ту славную пору наш СКА (минули победные матчи Еськова, Матвеева и Копаева) обретался на «дне» высшей лиги. Кроме Андреева и вспомнить-то некого. То ли дело сейчас. Команда уже не СКА, а Ростов со всеми вытекающими, то есть полкоманды, если не больше, «варяги» из дальнего зарубежья, небледнолицые, но играющие очень неплохо – второе место в позапрошлом первенстве, а в прошлом, страшно сказать, саму «Баварию» в лиге чемпионов одолели. Только вот своих Еськовых, Матвеевых и Копаевых в этой команде нет. Где же импортозамещение, понимаешь?

М-да... О, времена, о, нравы... И всё же... Застой?! «Back in the USSR»... Молодость... молодость... молодость... Тогда, в 70-е, мы – «СС-«Р»: Вардан, Арег, Сурен, Валера и я – были молоды, а потому даже шабаши, которые партия и правительство называли первомайскими демонстрациями трудящихся, воспринимали всего лишь как очередную возможность собраться и неплохо провести время. Ну, а регулярные тронные речи маловменяемого генсека («сиськи масиськи») смешили нас, а не приводили в состояние «глубокого удовлетворения» с неистовым желанием «всемерно укреплять обороноспособность державы». Больше того, мы, что греха таить, далеко не всё своё время посвящали учёбе, предпочитая... М-да... то, что мы предпочитали, было столь же далеко от языкознания или научного коммунизма, как марксизм-ленинизм от капитализма. Тому была объективная причина – мы были молоды...

Только вот забыл уже, когда ребята в последний раз напоминали о себе. С Валеркой, можно сказать, никто из наших не общается. Даже где он никто не знает. Последние сведения о нем датированы едва ли не миллениумом. Он тогда продал отцовскую шикарную квартиру в Ереване и махнул куда-то в бизнес: то ли в Краснодар, то ли в Москву... Арешка – большой человек, крупный политик, всегда занят... Сурик после инфаркта получил инвалидность, сидит дома, воспитывает внука... Вардананк – потомок одного из древнейших армянских родов – после долгих лет криминальных походов на Северном Кавказе и не только (эх, лихие 90-е!) переквалифицировался в бизнесмены... Собраться бы как-нибудь старой компанией, вспомнить былое... М-да...».

Он вышел из ванной, не спеша закурил любимый Kent и по звукам рингтона: «Can't buy me love...», неслось уж по страшной силе – определил дислокацию гаджета: «На кухне забыл. Как всегда. Ещё бы очки найти...».

– Да! Алло!

– Васильич!

– О! О-го! Вардан! Большой! Варданушка! Барев («Здравствуй, брат» – здесь и далее арм.), ахпер! Вонцес («Как дела?»)?

– Всё путём, ахпер («брат»)?

– Лёгок на помине! Ты не поверишь, только что вспоминал о тебе! Твой звонок – ну просто сеанс телепатии! Ты где, Вардананк?

– Где?.. В Ростове-папе, поручик. На вокзале. Проездом.

– Ага-а, палач Прошки и Вольдемара! Каким временем располагаешь?

Хохот на том конце провода.

– Вечерней кобылой отбываю.

– Так. Подыши там, погуляй, я через пятнадцать минут буду!

– Ладно, Витя.

Он наскоро, уже не обращая внимания на неизбежные порезы, добрился и спустя несколько минут уже летел на своём стареньком Ниссане на вокзал, а память услужливо прокручивала старую, советской поры, испещрённую царапинами времени, киноплёнку.

«Наш «СС-«Р» сложился как-то сразу, как-то невзначай, как-то без особых стараний будущих эсэсэровцев. Возможно, то было предопределение. Возможно, как говорили мы сами, то был знак свыше. Абитуриенты стали филологами-первокурсниками – вот и все усилия Судьбы по этому поводу.»

Очень скоро, в первые же четверть часа тогда, 1 сентября 197... года, мы выяснили, что нас объединяет категорическое сходство интересов, а именно – приязнь к Есенину и Окуджаве, а также к преферансу и к футболу, и к доброму пиву, и другим добрым напиткам, как будто специально созданным для первокурсников. И вот уже после второй пары, покинув гостеприимные стены универа, мы нашли приют в ближайшей (хвала армянским советским архитекторам!) веселой пивнушке под романтическим названием «Крунк» («Журавль») и после нескольких часов непрерывного горячего общения докурлыкались до той кондиции, когда члены неразумных сообществ обычно отправляются домой, баиньки.

Не таков был «СС-«Р».

Невзирая на то, что далеко не все участники вновь испеченного сообщества твердо стояли на ногах, было выражено твердое общее мнение продолжить душевное общение. Тем более, что душа (как выяснилось несколько позже) сообщества Вардан, сразу же окрещенный соратниками прозвищем Большой (он был самым высоким из нас) предложил продолжить в заманчивом местечке, как нельзя более подходившем для общения универских дебютантов – в кустах, густо росших за фасадом ереванского храма науки. Белокурая бестия Валера (в дальнейшем Цукер) тут же сгонял за N-ым количеством бутылок недорогого вина (мы без раздумий скинулись для этой цели по рублю с полтиной) в расположенный недалеко от универа (хвала армянским советским архитекторам!) вино-водочный магазин и общение вспыхнуло с новой силой.

Между тем, вино, доставленное Цукером, к сожалению, было не только дешевым, но и сладким и в сочетании с принятым прежде порядочным объемом пива оказало на нас неизгладимое впечатление. Тем более, что пили мы, как и подобало уважавшим себя первокурсникам страны Советов, из горла и без закуси. А потому очень скоро члены сообщества стали время от времени отползать (вопреки названию вина «Гетан» – «Get up» – англ. «вставай») в рядом растущие кусты, откуда, естественно, вскоре доносились соответствующие непотребные звуки.

Таким образом, обряд посвящения в советские студенты был исполнен соответствующим образом.

Необходимо заметить, что наше сообщество было гораздо менее бессмысленным, чем «историческая общность», существовавшая в союзе, как злые языки на Западе называли советскую действительность эпохи застоя, ибо в отличие от «исторической общности» нас помимо названных уже выше интересов объединяло также неистребимое желание как можно веселее провести грядущие пять лет студенческой жизни. А посему мы в отличие от КПСС не нуждались в строгих корпоративных документах, которые бы регламентировали пребывание в рядах сообщества. Не было у нас и иных обязательств друг перед другом, если не считать таковым право на нескучное времяпровождение, смысл которого был неплохо передан некой молодежной песенкой той поры, а точнее, рефреном, звучавшим словно призыв: «От сессии до сессии живут студенты весело!..».

Старый друг, как и договаривались, ждал у входа на вокзал и, заметив Виктора, слегка прихрамывая, пошёл ему навстречу. Седина в бороду... Борода лопатой... И узнать-то трудно того безбородого острошлова и любителя жизни, с которым пересекали в студенческие годы... Глаз, вот только, горит, как прежде.

– Здорово, бродяга! – обнял его Виктор. – А хромаешь-то с каких пор?

– Не бери в голову, дружище. Так, ногу в поезде отсидел...

– Здорово, что позвонил. Сколько лет не виделись? Пять? Нет, шесть... Шесть! М-да... Ну, а нога-то тебе пивка попить не помешает, надеюсь? А то у нас тут хо-ро-о-ший ресторанчик имеется. Хоровац (шашлык), естественно, на углях, а не как-нибудь. И с настоящим лавашем, а не с лепёшками какими-нибудь. К пиву жареных раков подают. Помнишь как в «Крунке» гульванили?

– Да, много гариджура (пива) мы в «Крунке» попили. Ладно, пускай будут жареные, раки твои. Хотя, не твои. Донские! И это в духе времени! Хватит с нас королевских креветок и ещё всяких омаров-лобстеров-шмобстеров! Импортзамещение, однако! Только, подожди, ты ведь за рулём? Или как?

– Или как! Сейчас машину поставлю и, гуляй, Вася!

– ... Гуляй, Витя, скорее...

– ... с Вартаником...

– А-а, не забыл анекдоты про Вартаника? «Вартаник, что у вас за грохот в квартире был?».

– «Папины брюки совсем упали».

– «А почему с грохотом?».

– «Папа из них совсем вылезти не успел!». Ничего не забыл, брат. Ты знаешь, к старости это что-ли, всё-таки шестьдесят уже, только вот чем дальше, тем больше нашу студенческую житуху вспоминаю. Не поверишь... Буквально по дням...

– Да, ахпер, мы в эти пять лет времени не теряли. Прошку, вижу, не забыл с Вольдемаром?!

– «Не забывается, не забывается, не забывается такое никогда»... А вот и наш прибрежный ресторанчик. Приехали, выгружайся: «Станция Ромоданы -...

– ... берегите чемоданы!», – завершил фразу гость, с любопытством рассматривая фасад ресторанчика, разукрашенный разноцветными воздушными шарами.

Судя по скорости, с которой с места в карьер кинулись обслуживать новых клиентов, едва занявших места за столиком на веранде, в ресторанчике с видом на Дон, Виктора здесь знали давно.

– Уважают, однако, в Ростове журналистов, – заметил Вардан, кивнув в сторону быстро украсивших столик больших тарелок с лавашем, сыром и свежайшей зеленью. Прошлый раз мы с тобой сидели в другой кафешке. Не на берегу.

– Прошлый раз был зимой, сто лет назад. А это наше летнее местечко. Ты-то как?

– Лепота!..– почти как в комедии Гайдая отреагировал гость, оглядывая величественную реку и закуривая «Ахтамар». – Я? Ничего. Чем занимаюсь? Ну, как тебе сказать... Я, можно сказать, в своём роде доктор. Знаешь ли ты, дружище, что нет на свете благороднее профессии, чем врач? Покойная матушка мечтала, чтобы я стал хирургом, но, увы, не сбылось! Зато я невольно прослушал полный курс педиатрии: первая из моих законных жёнушек училась в мединституте и училась так усердно, что каждый вечер перечитывала вслух записанные днём лекции, а я слушал: жили в однокомнатной квартире, деваться было некуда. И всё же есть во мне самая главная черта, присущая истинному врачу: здоровый цинизм... А вообще, всё путём, ахпер. Мелким бизнесом занимаюсь, ахпер. То, сё и так далее.

– «Покупаем-продаём и немножечко поём?»...

– Можно и так сказать. Свежий анекдот о нас, о лекаришках, хочешь?

– Давай.

– Выходят на улицу после дежурства два эскулапа.

Патанатом: – Смотри, люди! Живые люди!

Гинеколог: – И лица! Лица! Лица!!!

– Хо-ро-шо-о! – расхохотался Виктор. – А дома как? Ты сейчас так же, в Подмосковье?

– Да. «Как мне дороги-и, как мне дороги-и, подмосковные ве-че-ра-а!». Нормалёк, бра-телло. Дочке уже четыре, сыну – три. Всё путём...

– Не фига себе фига, время летит! Большие какие! Ну-ка, давай, показывай!

Бородач полистал в своём смартфоне и протянул его другу: «Вот мои красотки – Сам-велик и Кристиночка!».

– М-да... Самвел сын Вардана... Символично... Продолжатель традиций древней армян-ской фамилии... Красавец и красавица! Оба белокурые. Ин-те-ле-э-сно! Ты в молодости вроде бы шатеном был. Стало быть, в маму цветом волос пошли. А вот лицом в тебя. М-да... Слушай, Вард, ты который раз уже женат? Обалдеть! Твоему сыну, как моей внучке!

– Не первый раз, ахпер. Не первый...

– М-да... Время тебя, скромнягу, не изменило! «Узнаю брата Васю!». Подожди, у тебя две дочери от...

– ... от Нателлы. Они в Штатах давно уже с матерью.

– Ещё две от...

– ... Ларисы. Они так и живут в Ереване.

– Лариса – это мастер спорта по плаванию?

– Нет, ахпер, ты путаешь. Мастер – это Леночка, которая из Подмосковья.

– Ну, да! Ты же звонил как-то раз, рассказывал. Не запутаешься тут. Любите вы, доктора, жениться, однако... Не изменяешь ты себе, Вардо...

– Не только себе, ахпер. Красивым женщинам тоже! Ты будешь очень смеяться, ахпер, только моя Леночка меня сладострастным старикашкой называет...

– М-да... Старикашкой – это точно! – потёр подбородок, взирая на косматую седую бороду друга, Виктор. – Давно пора на тебя санкции накладывать. И куда только Евросоюз смот-рит?

Между тем, официант принёс огромное блюдо, на котором дымились обещанные румя-ные членистоногие. Следом другой вэйтер доставил на подносе с эмблемой данного заведения, два поллитровых бокала ледяного пива и запотевшую бутылку водки.

– А гороха к пиву есть? – с невинным видом спросил у официанта Вард.

– Гороха? Простите, вы что имели в виду?

– О-хо-хо-о-о-о!..– всхлипнул от хохота Виктор. – Знали бы вы, молодой человек, что он имел в виду!..

БАБУЛЬ, ДИАЛЕКТЫ ДАВАЙ!

...Вольдемар как-то сразу оказался вне гранфаллона. Возможно, то было некоторое предопределение. Возможно, как утверждали впоследствии эсэсэровцы, то был некий знак свыше. А потому, наверное, случай с Горохом также стал результатом особого расположения небесных светил по отношению к «СС-«Р» и противостоявшему ему Вольдемару. Хотя, если уж быть откровенным до конца, то Вольдемар вовсе и не был Вольдемаром, а был Вовой или Володей, как его ласково называла зеленоглазая Мариэтта...

Всё произошло во время летней студенческой практики. Она случилась после сессии, которую друзья, откровенно говоря, сдали как и подобало советским первокурсникам, нюхнувшим свободной жизни, не лучшей, нежели многие их предшественники. Кое у кого из них были «неуды», от которых предстояло избавиться уже в осенне-зимний период. Так или иначе, до означенного периода было еще достаточно далеко, а вот до практики – рукой подать, что грело соратникам сердце, ибо поистине для друзей – филологов нет лучшего занятия, чем собирать диалекты в молочанских селениях близ славного города Кировакана (т.е. града С.М.Кирова).

Нужно заметить, что живописные, если не сказать чистые, пейзажи сего горного местечка явно диссонировали с той мерзкой позицией, которую Вольдемар с первых же дней продемонстрировал по отношению к сообществу. Хотя и раньше на курсе, в ходе учебных действий он, Вольдемар, несмотря на личный интерес к Есенину и Окуджаве, всячески сторонился великолепной «пятерки», дистанцируясь от эсэсэровцев даже на переменках.

Надо ли говорить, что он и не задумывался о возможности совместных с соратниками, ставших для них едва ли не ритуальными, посещениях «Крунка»? И это несмотря на то, что он был замечен в употреблении напитков, которые студенчество предпочитает компоту! Не питал он кроме всего и симпатий к преферансу, чего уж соратники ему и вовсе не могли простить.

А потому случившееся тогда, много лет назад, в Кировакане должно было случиться рано или поздно. Нечто подобное должно было случиться если не в Кировакане, то в Ереване, в универе, в перерыве между учебными действиями, например.

Однако, обо всем по порядку.

...Ах, лето, лето... Дивная пора! Тёплая погода вселяет в студенческие (и не только) души мимолетное блаженство, побуждая поскорее позабыть обо всех весенних невзгодах, не исключая и «двойки» на семинарах. Лето, можно сказать, время неразумных, а порой и недостойных поступков, навеянных ложным ощущением счастья (насколько это возможно в 19 лет), а стало быть вседозволенности (насколько это было возможно в первом государстве рабочих и крестьян). Кстати, теплая погода и стала одной из причин нашей истории.

– Жарко, пива охота, – посетовал, зевая и зачем-то при этом прикрывая огромной ладонью рот, Большой, сев в кровати и свесив босые волосатые и дурно пахнувшие ноги.

– Да, хорошо бы, холодненького! – поддержал со своей, соседней кровати, Цукер, всегда с радостью поддерживавший безнравственные предложения.

Арег, Виктор и Сурен переглянулись, не меняя позы (они отдыхали в личных кроватях), вяло (сказывалась полуденная жара, достававшая даже здесь, в высокогорном городке, несмотря на распахнутые в комнате техникумовской общаги окна) кивая и выжидающе глядя на «душу» сообщества. Сурен при этом зажал нос пальцами.

– Бабку там, в селе, видали, которая возле столовой живет? – продолжил разговор Большой.

– Видели. Она всегда на завалинке возле дома сидит, – ответил за всех Виктор.

– Во-о-т. У неё вчера хотел диалект взять. Знаете что сказала? «Молод ты ещё, сынок, у меня диалехты брать!» Ба-а...

ОН ЛЮБИЛ ДОБРУЮ ШУТКУ

Раздавшийся в ответ хохот заставил подобреть и улыбнуться небрито – суровую физиономию «души». Когда гогот стих, он продолжил: – Ладно, кто пойдет? – испытующе взглянув на Цукера.

– Ара, эли кяжса есэм (Эй, я снова рыжий?!)?! – возмутился последний.

– Че, кяж – джсан (Нет, рыжий, дорогой), я не тебя имею в виду, – отмёл подозрения Большой, переведя тяжёлый взгляд на Сурена, который все ещё зажимал нос двумя пальцами. – Что, амбре не нравится, да-а? – спросил Большой, чьи ноги, как известно, летом воняли гораздо сильнее, чем в другие времена года. – У вас в Кировобаде ни у кого не воняют, да-а?

Сурен в ответ лишь хихикнул в сторону.

– Суро, Суро, халя ми ачка пхаги! – вдруг попросил Большой. – Серьёзно, закрой один глаз!

Сурен нехотя исполнил просьбу соратника, слегка прикрыв левое веко, но по-прежнему зажимая нос двумя пальцами.

– Кяж, наи, наи, мэр Сурон точно циклопи нмана (Рыжий, смотри, наш Сурик точно циклоп)! – толкнул в бок примостившегося рядом Цукера Большой, раздражаясь ржанием, от которого, вероятно, разом проснулись все кироваканские младенцы.

К хохоту присоединились и остальные, разумеется, за исключением Сурена.

– Ова циклоп (Кто циклоп?!)?! – заорал он, набывчив мощную борцовскую шею и угрожающе сжав кулаки.

Несмотря на почти двукратное превосходство в росте, Большой, резво вскочив на ноги и, не надевая шлепанцев, проворно выскочил в коридор, чудом избежав мести маленького борца-классика.

Проворство его было легко объяснимо житейским опытом, а точнее – одной из легенд, вошедшей в золотой фонд ССР.

В первом семестре на одном из первых занятий по физкультуре Большой, быстрее других переодевшись в модный спортивный костюм, стал прохаживаться по борцовскому ковру с видом по меньшей мере чемпиона республики по коху, грозно и вызывающе оглядывая соратников с высоты своего роста (194 см).

Миролюбивый Виктор уставился на мощную фигуру «чемпиона» не без душевного трепета.

Долговязый и тощий, словно баскетболист, побежденный энурезом, Цукер глядел с удивлением, смешанным со страданием.

На лице крепьшиа Сурена трудно было что-то прочесть.

Ну, а Арег воззрился на Большого, усмехаясь в усы.

– Что, есть вопросы? – налегая на «р», окинул соратников взглядом Давида Сасунского перед очередным поединком с вишапом Большой.

Арег, не удостоив противника ответа, шагнул на ковер.

– А-а-а! – страшно протянул Большой, сделав большой шаг навстречу.

Спустя всего несколько мгновений всё то же: -А-а-а..., он испустил, лёжа на лопатках...

– А-а-а?! – в один голос воскликнули внимательно наблюдавшие за поединком соратники.

– Один раз не в счёт! – взял «фору» «душа». – Давай ещё!

И вновь очень скоро Арег припечатал его лопатками к коврику.

В пылу борьбы и обуреваемый жаждой реванша Большой без долгих раздумий выбрал в качестве жертвы самого маленького соратника, кудрявого Сурена:– Эй, ты, иди сюда!

Сурен скромно ступил на поле брани и тут случилось удивительное: большое, почти стокилограммовое тело Большого вдруг взлетело и, задргав в воздухе ногами, плюхнулось на ковер, будто куль с мукой.

– Эс инч грамотни «мельница» эс арел, тха- джан (Какую ты грамотную «мельницу» провёл, парень!) – послышался в наступившей вдруг тишине откуда-то сбоку голос препода. —Ереви парапелес (Наверное, занимался?)?

– Да, занимался, – потупив очи долу, негромко ответил Сурен.

– Раньше надо было говорить, грязни животни! – пришел в себя, присев в партер Большой, изумлённо уставясь на соратника.

– А ты не спрашивал, – все столь же скромно отвечивал борец-классик.

ГОРОХ УЖЕ ВАРИТСЯ

Арег с Виктором, между тем, успели перехватить устремившегося было вдогонку Сурена, успокаивая его и усаживая его обратно на личную кровать.

– Кто циклоп?! Я циклоп?! – все ещё кипятился Сурен.

– Сурик, успокойся, это он циклоп, – позевывая, предположил Арег.

– Ареши, сыграй что-нибудь, – уже почти миролюбиво попросил Сурен.

Через мгновение снятая со стены гитара успокаивала растревоженную душу эсэсэровца.

– Тише, люди, ради Бога, тише

Голуби целуются на крыше,

Вот она сама любовь ликует,

Голубок с голубкою воркуют...

– Ну, и кто пойдёт? – испортил песню далеким от сантиментов, деловым тоном Цукер.

– Большой уже не пойдёт, – отрезюмировал ростовчанин.

– Пусть только нос высунет, я ему ... – отреагировал на упоминание о недруге Сурен.

– Не жалею, не зову, не плачу

Все пройдет, как с белых яблонь дым,

Увяданья золотом охваченный,

Я не буду больше молодым...

– Кто пойдёт? – вновь испортив Арегу песню, многозначительно переспросил Цукер, оглядывая собратьев по сообществу, продолживших предаваться отдохновению после очередного похода в Фиолетово.

– Ишак! У самого ноги воняют на всю общагу, а ещё других подкалывает! – всё ещё ворчал Сурик. – Я ему дам подколки кидать!

– Суро, ахпер, ладно! Давай, пиво возьём, отдохнуть будем, – выступил в роли миротворца Цукер, не оставлявший надежды хлебнуть таки холодного пенного напитка.

– А что пиво? – недовольно сказал Сурик. – Рыбы нет. Ничего нет. Что это за пиво? Вот у нас пиво с горохой пьют...

– С чем- с чем? – переспросил Цукер? С «горохой»? «Студент, ты же филолог, инженер слов-а-а-а», – протянул он, цитируя универского препода по гражданской обороне.

Услышав цитату, соратники, не исключая потерпевшего, т. е. Сурена, разразились неподражаемым хохотом, ибо сей препода, полковник в отставке, прошедший II Мировую, являл собой фигуру поистине трагикомическую. Отставной полковник радовал эсэсэровцев оба первых семестра, читая пламенные лекции. Причем он особо воодушевлялся, что соратники относили на счёт его фронтовой контузии, при рассказе о возможных боевых действиях потенциального врага. Лекции и семинарские занятия были пересытаны, кроме уже процитированного Цукером, также и иными перлами, которые соратники не без удовольствия вспоминали в ходе монотонных учебных будней, скрашивая ими какую-нибудь очередную лекцию по современной

советской литературе. Несомненно, словечки и выражения от контуженного полковника представляли собой альтернативу исследованию, допустим, «Цемент» или «Брусков».

Право дело, соратникам было что вспомнить: «Гражданская оборона – это вам не картошка и не противогаз!» – назидательно говаривал полковник. Всякий раз, отчитывая непослушного студента, а надо заметить, что эсэсэровцы не отличались прилежанием, он неизменно произносил: «Вот у меня на войне был ординарец – узбек. Тот был тупой, но преданный. А вы и тупые, и непреданные!..»

Соратники не обижались на неинтеллигентные замечания контуженного полковника, ибо на фоне большинства других преподавателей, как правило, читавших лекции по истрепанным с пожелтевшими страницами тетрадам, полковник был ярким лучом света в темном царстве отечественной науки. А потому, в отличие от остальных предметов они гражданскую оборону старались не пропускать – смешнее бывало разве что на концертах Аркадия Райкина.

Особо они любили задать полковнику каверзный вопрос: «Что делать, если начнется атомная война?» На что старый вояка без тени улыбки регулярно отвечивал следующим образом: «Лечь на живот и крепко держать яйца!»

... – С горохой! – хмыкнул Цукер.

– У них пьют пиво с вареным горохом, – постарался избавить Сурена от дальнейшей лингвистической экзекуции Виктор. – Только где его взять? И где сварить?

– Проблему нашли, – воздел к потолку указательный палец правой руки Сурен. – Я в гастрономе вчера видел. Сварить... Вон на этаже общая кухня, там электроплита здоровая, как в столовой. Бери, вари.

– Можно подумать, мы всю жизнь только и делали, что варили твою «гороху», – упрёкнул соратника Арег. – Как варить? Что добавлять? Асумес – эли (Говоришь...)...

– Если вы мне скажете где этот узун – ахмах (длинный дурак – тюрк.) прячется, я сварю, – предложил сделку Сурен.

– Как только узнаем, Суро-джан, сразу скажем, – заверил Цукер, оживляясь от пьянящей перспективы. – Хеч чи мтацес (Не бери в голову). Сколько там, казначей-джан, общих денег осталось?

– Есть пока, – был немногословен Сурик, он же – держатель «общака» (перед началом практики друзья внесли в фонд ССР взносы в размере месячной стипендии – 40 руб.).

– Тогда давай червонец, пожалуйста, керосинку покупать будем, – почти как в «Джентльменах удачи» изрек Цукер. В общем, мы, втроем, за пивом, а ты – за своей «горохой».

Примерно через час гранфаллонцы вернулись с трофеями.

– Только не торопите меня, – воздел к потолку указательный палец Сурен. – Долгое дело. Гороху сперва замочить надо, потом...

– Лав – эли! Ты что будешь всю неделю свою «гороху» варить? – оборвал его Цукер, устремив свой указательный палец в сторону гастрономовского ящика, в котором красовались 20 бутылок «Жигулевского». – Гижса, ара!

Спустя несколько минут они уже расположились в личных кроватях с «Жигулёвским» в руках.

– Хорошо-то как Вася! – куда-то в потолок умиrotворённо произнёс Цукер.

– А я не Вася! – умиrotворённо в свою очередь изрёк Виктор.

- А, всё равно хорошо! – продолжил традиционную переключку Арег.*
- Ещё бы баб несколько, было б ещё лучше, – традиционно завершил Виктор.*
- Самим пива не хватит, ну их, баб этих, – не согласился с ним Цукер.*

БЫЛ ЛИ СЕКС В СССР?

Следует заметить, что будто в ответ на гнусные утверждения недругов социализма об отсутствии в СССР секса, эсэсэровцы рассматривали проблему отношений между полами, не избегая диалектического материализма. И не только рассматривали, но и с первого же семестра, встав на ударную, как говаривали в ту достойную пору, вахту, вносили достойный вклад в дело разрушения сей нелепой басни, безусловно, порочившей честь и достоинство резидентов 1/6 части суши.

Секс в стране Советов, конечно же, имелся. Кому как не славным эсэсэровцам было судить об этом: на весь курс из 78 человек лишь 8 (восемь!) парней! «Филоложечки», как их игриво называли соратники, очаровательные, как правило, создания в мини-юбках, утомленные лингвистикой, а также штудированием произведений русских и армянских классиков литературы, посвящали свои тревожные будни отнюдь не только лишь анализу глубины творчества А.П.Чехова или Ованеса Туманяна.

Ничто человеческое им, факультетским гехецкуи, было не чуждо.

А потому нетрудно догадаться с какими далеко идущими намерениями на филфак иногда навевывались студенты какого-нибудь мехмата или физфака! Причем нередко визитеры (вот уж что в СССР было точно – так это протекционизм и блат во всем и везде) прибегали к дружескому посредничеству эсэсэровцев с просьбой привести на вечеринку сокурсниц. И следует особо отметить, что удовлетворение такого рода просьб страждущих собратьев по храму науки стало для членов сообщества едва ли не делом чести.

Избалованные вниманием прелестных сокурсниц соратники, таким образом, являлись на какую-нибудь очередную лекцию, ощущая себя едва ли не султанами в серале...

Справедливости ради нужно заметить, что при этом от превратностей учебно-воспитательного процесса, так и норотившего всячески омрачить их упоительное бытие, соратники всё же не были застрахованы. В список золотых легенд ССР вошла история о том, как Виктор был подвергнут обструкции преподашей по древнерусскому языку.

Как-то раз на лекции соратник, устроившись с симпатичной кареглазой блондинкой за последней партой в огромной аудитории, принялся срывать цветы любви (нынче это зовется на западный манер петтингом), не обращая никакого внимания ни на пожилую даму, всякое повидавшую на своем педагогическом веку, ни на остальной окружающий мир, в том числе, нисколько не заботясь о необходимости вести конспект.

Минут 20 (двадцать!) спустя, когда терпение профессорши порядком истоцилось (нужно заметить, что при поцелуях и страстных объятиях, а также иных безнравственных действиях, несовместимых с учебно-воспитательным процессом, парочка испускала громкие стоны, разносившиеся по всей увлечённо строчащей конспекты аудитории), она с сардонической улыбкой сделала предававшимся петтингу эпохальное замечание: « Воркуете, голубки!..», после чего до того хихикавший поток (70 студенток и 8 студентов) разразился, наконец, громким и недоброжелательным хохотом.

Нужно ли говорить о том, что в результате данного нетактичного замечания петтинг был забыт и парочка вынуждена была отдаться учебно-воспитательному процессу?!

Следует заметить, что рассматривая превратности, связанные с осуществлением учебно-воспитательного процесса, как неизбежное, под стать очередям в магазинах или толчее в городских автобусах, зло, Виктор достаточно быстро утешился и в дальнейшем уже на основы советской педагогики посредством петтинга не посягал.

Нужно также заметить и что славные обаятельные эсэсэровцы уже в первом семестре научились пользоваться своим привилегированным (султанским) положением, почти как деятели партии и правительства причитавшимся им по рангу спецобслуживанием. Так, Арег, беззастенчиво, если не цинично, эксплуатируя большое и чистое чувство, которое к нему испытывала хрупкая и нежная однокурсница, повадился водить к ней на ужин всю компанию. В честь данных культурных мероприятий Виктор, перефразируя некую песенку безнравственного содержания, даже разразился следующими виршами:

*«Армишка, милое созданье!
Спешим к тебе мы на свиданье!
Если в доме горит свет,
Значит, дома папы нет!
Чап – чарап- чарап – чарели!»*

Надо ли говорить, что суть воспетого свидания сводилась к быстрому освобождению чужого (особо при этом свирепствовал алчный Цукер) холодильника от излишков дефицитных продуктов?

– А что делать? – пытался бывало оправдать свои и соратников неблагоприятные действия лучший футболист гранфаллона. – Бедному студенту всегда хочется кушать

ФЫСТАНА, ФЫСТАНА...

В скорбном молчании Сурен, захватив с собой кастрюльку, пакет с горохом и бутылку пива, ушел на кухню, располагавшуюся в противоположном крыле их второго этажа.

В его отсутствие жизнь в комнате, населённой исключительно эсэсэровцами, вошла было в обычное русло, а именно, под звон гитары послышалось пение Арега: «Тише, люди, ради Бога, тише...», как вдруг с улицы донёлся крик: «Тхек! Дзер мот инча катарвум (Ребята, у вас что там происходит?)?»

– Потерпевший вонц вор экав (как будто бы пришёл), – прервав песню, отреагировал Арег, а Цукер, по пояс высунувшись в окно, уже общался с соратником: – Большой, у нас пиво есть. Поднимайся, Суру ушел «гороху» варить...

Очень скоро, дробно цокая деревянными на босу ногу сабо, в комнату вошел «душа».

– Сабо где оторвал? – удивился Виктор.

– Махнул не глядя, – отмахнулся потерпевший. – А, негодяи, пиво дуете?!

Взяв бутылку из ящичка, он достал из кармана мятый фунтик с фисташками, бросил его на стол и приговаривая: «Фыстана, фыстана, кер пуцлэт хастана!» («Фисташка, фисташка, иди ко мне, чтоб члену не было тяжело!»), стоя, не усаживаясь на личную кровать, принялся за пиво. Сделав добрый, в полбутылки, глоток он, наконец, спросил: «Какой горох?»

– К пиву. У них в Кировабаде..., – начал было объяснять Арег...

– ... Хорошо хоть у вас, в Степанакерте, тутовку, а не пиво с «горохой» пьют ..., – прервал его беглец.

После неискреннего пассажа, посвященного «тутовке», «душа» невольно поморщился и икнул, вспомнив свой прошлогодний вояж в Нагорно-Карабахскую автономную область, в гости к Арегу, где его, как дорогого гостя, увы, систематически потчевали данным не вполне им любимым крепким и духовитым напитком. Кстати, именно в доме родителей Арега состоялось незабываемое знакомство «души» не только с запрещенной в Союзе самогонкой, но и с другом семьи Видади, азербайджанцем с большой душой и не менее большим животом. Видади, что также очень не понравилось Вардананку (потомку древнего рода, некогда давшего государству армянскому самого знаменитого спаранета), подверг сомнению справедливость его эсэсэровского прозвища, нагло заявив: – Эти ти Башиой? Нэт, эти я Башиой! – многозначительно при этом погладив свое необъятное брюхо.

Нужно заметить, что именно после волнующего знакомства с Видади, отличавшегося крайней прозорливостью вкупе с непомерным употреблением тутовки, Большой стал произвольно частенько использовать в своих речах азербайджанский акцент.

... – А почему с «горохой»?

– Так Сурик сказал. Сурик пошел варить.

– Пока он сварит, пиво кончится, – оценил ущерб, нанесенный гастрономическому ящичку Большой. – Вы времени не теряете. Ладно, пускай варит, а я пивка попою и попозже пойду в лес соловьев слушать.

– Соловьи, соловьи, не тревожьте ..., – подражая популярному эстрадному исполнителю, напел известную песню Цукер и как-то резко спросил: – И с кем ты соловьёв собрался слушать? Девочку снял?

– Какие здесь, в горах, девочки? – лукаво улыбаясь, отмахнулся «душа». – Один. Пойду. Под утро, говорят, соловушки так поют, так заливаются!

– Врёшь, нехороший человек, – не согласился Виктор. – Какой сумасшедший один ходит соловьёв слушать?!

– Я, – ткнул себя в грудь огромным кулаком Большой. – Я хожу. Пойду, послушаю – эли...

– Ладно, ну его к... к соловьям, ребята, – сказал всегда полный разнообразных безнравственных идей Цукер. – А мы пульку распишем!

– Кому «преф», кому соловьи, – примирительно изрек «душа», затем закинул в рот несколько фисташек и со словами: «Фыстана, фыстана, кер пупулат хастана», – взялся за очередную бутылку.

– А почему ты нас не приглашаешь? – почти обиделся по своему обыкновению весьма позитивно настроенный в отношении романтических приключений Виктор. – Может мы тоже желаем соловьёв послушать!

– Ара, ты что забыл нашу поговорку: «Кто с Большим пойдёт, тот в большое г... попадёт!»? – мгновенно напомнил ему Арег. – Пускай сам идет своих соловьёв слушать. Гна, Вард —джан, гна (Иди, дорогой, иди!)

Действительно, подобная поговорка имела хождение в сообществе и родилась она в результате многочисленных ковбойских походов недруга тютювки со товарищи. Примечательно, что все без исключения похождения оканчивались плохо. В лучшем случае – дракой.

Среди свежайших было следующее. Дело в том, что романтическая душа Большого не менее, чем приключения, любила разнообразных гехецкуи. Следует заметить, что обладавший харизматической внешностью и бархатным баритоном, а также хорошо игравший на гитаре, знавший к тому же множество лирических песенок, Большой легко кадрил ереванских красавиц. Стоило ему только взять в руки родную «шестиструнку» и...

Но вот, что характерно, мамы будущих невест, всегда, в отличие, конечно, от самих невест, почему-то относились к нему резко отрицательно. Одна из мамаш особо достала Большого, высказавшись по телефону в том духе, чтобы он «бродяга и мерзавец, и думать не смел об её дочери».

Не такой человек «душа», чтобы простить обиду. А посему, раздобыв где-то армейский взрывпакет, способный пустить на воздух небольшое подразделение тец, он принялся действовать. В обязанности выбранного им в качестве ассистента Виктора входило несение боевого дежурства у дома будущей теци и выбор подходящего момента для проведения акта возмездия.

Когда операция входила в завершающую стадию, т.е. всё, кроме потенциальной теци, было подготовлено, самый рассудительный из соратников – Арег, прослышав об акте

возмездия, забил тревогу. Как водится, в «Крунке» был собран президиум «СС-«Р». После церемониального распития энного количества бутылок «Жигулевского», проходившего под стрекот радиорепортажа с какого-то очередного пленума ЦК КПСС, президиум постановил акт возмездия отменить. Цукер по этому поводу высказался кратко: «Гижен!» – покрутив указательным пальцем у виска. Сурен как всегда грязно выругался, воздев указательный палец к потолку сего достойного питейного заведения. Арег, глядя на разом помрачневших Большого и Виктора, давась и багровея от хохота, вынес общий вердикт: – Пусть живёт! Тёща – тоже человек!..

КТО ИГРАЕТ СЕМЬ БУБЕН?

...Залпом осушив бутылку и крякнув от удовольствия, Большой хлопнул себя по животу, отозвавшимся барабаном судьбы, и сказал: – Ми паилы!

Едва только дверь за «душой» затворилась, Цукер призвал соратников к порядку: – Пуля – не свидание! За стол не опаздывают!

Сам он уже восседал за круглым столом, находившимся в центре комнаты, расчерчивая тетрадный листок. Рядом с Цукером ждала своего часа и почти новая колода карт.

– Ну что, раз – нас? Проигравший ставит пиво? – привычно спросил Цукер и после того, как остальные согласно кивнули, принялся сдавать.

За игрой, а очень быстро все трое слегка «поднялись в гору», они напрочь забыли и о Большом, и о Сурене, и о горохе, как вдруг раздался зычный голос борца-классика, неслышно открывшего дверь: – Сволочи, опять в преферанс играют, а я им гороху вари!

– Во-первых, – на мгновение оторвав взгляд от своего карточного веера во всемогущей левой длани, сказал Цукер, – не опять, а снова.

Затем, вернувшись к игре, он бросил партнерам: «Семь бубен», и добавил: – А, во-вторых, ты же сам, Суро-дэжан, взялся «гороху» варить. И потом ты же в «преф» не катаешь. Об чем базар?

– Валер! Кто играет семь бубен, тот бывает п...! – напомнил ему Сурен, хоть и не игравший сам, но часто сживавший рядом с соратниками в ходе карточных баталий, а потому знавший кое-какие преф-прибаутки.

– Хочу тебе напомнить, Суро, – невозмутимо ответил Цукер, продолжая брать одну за другой взятки на козырях, – про наш уговор. О Большом.

– Что, знаешь где он?

– Знаю. В лесу. Соловьев пошел слушать. По-моему, не один, а с какой-то красоткой.

– Не один, не один, – в один голос подтвердили оставшиеся без вистов Арег с Виктором.

– Ах он ...! – грязно выругался борец-классик. – Что я ему лесник что-ли, за ним по чащобе гоняться?! Ничего, спать захочет, придёт, куда денется?

– Не придёт он, – все так же продолжая игру, отвечивал Цукер. – Будет ночью соловьев слушать, сказал. Не один, по-моему.

– Не один, не один, – вновь подтвердили Виктор с Арегом.

– Ладно! – рубанул рукой воздух Сурен. – Мы подождем!

– Ну что ты, Сурик, кипячишься, остынь, – попытался успокоить соратника Виктор. – Вот не придет к нему его гехецуки, считай, он и наказан. Присядь лучшие, пивка попей. Нашел на кого обижаться: Большой – он и есть Большой... Тут дела у меня такие, а ты о своем. Обизон, – удрученно адресовал он партнерам. – Уф-ф-ф, пики, пики...

– Обизон! – понимающе переглянулись Цукер с Арегом, сверившись с записью.

– Прикуп, прикуп, – ворчал тем временем ростовчанин, открыв две заветных карты.

– Две червы – не одна черва, – сочувственно изрек неслышно подошедший к «ломберному» столу Сурен.

– Да. Особенно, если обе маленькие, – безрадостно резюмировал Виктор.
– Бросай «без двух», – посоветовал ему Сурен, оглядев из-за его спины небогатый набор карт.

– «Без трех»! – рьяно потребовал Цукер. – Только «без трех»!

По утверждению современников, прижимистость или, попросту говоря, жадность единственного блондина в сообществе – Цукера, вошла в число основных легенд «СС-«Р». Любую просьбу он воспринимал едва ли не как личное оскорбление, а привычная во время префа фраза: «Валер, дай сигарету» (друзья знали, что Цукер никогда не садится за пулю без парочки лишних пачек в потайных – сколько их было! – карманах пиджака) традиционно удостоивалась неизменного ответа: «Свои надо курить!»

Правда, если уж партнеры-соратники были уж очень в горе, а Цукер очень при вистах, он мог, сменив гнев на милость, выдать обреченному на поражение одну-две сигареты второсортного «Раздана», демонстративно при этом попыхивая классным «Салютом».

Особенно был обижен на Цукера борец-классик.

Как-то раз Цукер пригласил их с Виктором к себе домой отведать грибного супа, который замечательно варила мать Цукера – столбовая дворянка, выжившая наперекор диктатуре пролетариата, репрессиям и даже последующему развитому социализму.

– Никому из наших ни слова! – выдвинул условие Цукер. – Супа не так много. И приходите с утра, пока предков дома нет.

По такому случаю Сурен с Виктором и думать забыли о лекциях: шутка – ли, Цукер расщедрился на угощение?! И следующим утром отправились, прихватив по бутылочке винца, к жадному эсэсэровцу.

– Наливайте сами, не маленькие, – распорядился в просторной кухне Цукер. – Вон —кастрюля, вот – половник. Только – немного, не нажираться пришли!

Обиженный Виктор зачерпнул лишь пару половников, зато Сурен в знак протеста наполнил свою тарелку доверху.

При виде такого нахальства Цукер выскочил из-за стола и заорал благим матом: – А ну, сволочь, отлей половину!

Сурен в ответ лишь непримиримо покачал головой. Тогда Цукер попытался выхватить тарелку из-под носа борца-классика, уже вооружившегося было ложкой. Такого негостеприимства борец-классик стерпеть не смог и, в свою очередь, совершил мерзкий поступок, также вошедший в число основных легенд сообщества. А именно – плюнул в свою тарелку с супом, дабы он не достался неприятелю...

Список недостойных деяний Цукера при желании легко можно было продолжить.

За что же, спрашивается, за какие —такие достоинства славные эсэсэровцы терпели гнусные выходки Цукера? Трудно ответить. Чёрт его знает! Очевидно, привыкли, вот и терпели. Не всегда, однако, и терпели, нужно заметить. Цукеру частенько доставалось от всех соратников, за исключением разве что Виктора. Ну, а особо при этом усердствовал Большой, который, по его словам, не любил жадности и хамства с детства.

СЧАСТЬЕ – НЕ АЛИТЕТ, В ГОРЫ НЕ УЙДЕТ...

... – Буду играть, – заупрямился Виктор, – абсолютно однако не представляя каким образом с такими слабыми картами можно выиграть несколько взяток.

Надеялся он при этом, честно говоря, лишь на благоприятный расклад и собственную находчивость. Последняя не раз выручала его, в том числе, и в ходе учебно-экзаменационных действий. Не зря в золотой список основных легенд сообщества вошла история о том, как он получил заветную «тройку» на экзамене по современной советской литературе.

Преподаватель – пожилой, уставший от энергии советских будней человек, слыл среди студентов педантом, требовавшим знать произведения современных отечественных писателей и поэтов досконально. Он мог запросто «зарубить» экзаменовавшегося на каких-нибудь деталях, допустим, «Брусков». А потому к сему испытанию друзья готовились с трепетом, посещая (неслыханное дело) публичную библиотеку, где, обложившись томами и томиками, пытались в несколько дней постичь то, что предполагалось постигать в течение двух семестров первого года обучения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.